

Я всмотрелась внимательнее и поняла: это же пестик Цветка Призрачной Души. Котёнок этот такой бестолковый, сидит у ног, ни звука, ни мяуканья, вот я и забрала эту штуку, отдаю тебе.

Янь Цинли присела на корточки, глядя в глаза коту. Она провела пальцем по мягкой шерстке на его лбу и искренне проговорила:

— Спасибо тебе, малыш. Если я смогу выбраться из Горы Лао, то обязательно найду для тебя способ обрести силу и заберу с собой.

Ее лицо, иссохшее, словно старая кора, озарилось теплом, а запавшие губы изогнулись в чистом, нежном полумесяце.

Столь уродливое лицо на мгновение заставило фиалковые глаза кота затуманиться. В голове вновь всплыли обрывки путаных демонических звуков, что нет-нет да и возникали во время медитаций.

— Все сущее способно к совершенствованию, а нам отпущено лишь одно воплощение.

— Сюаньинь, путь самосовершенствования долог. Согласна ли ты идти со мной?

Человек из воспоминаний оставил лишь смутный темный силуэт. Стоило ему обернуться, как она теряла чувства, а в душе разливалась тоска, постепенно перерастая в разрывающую сердце ненависть.

Кот сжался в пушистый комок, тело его одеревенело, а круглые глаза уставились в одну точку.

— Я тебя напугала? Прости, прости, не думала, что от простого поглаживания может быть такая реакция.

Янь Цинли испугалась его состояния. Она коснулась пальцами носа кота и успокоилась: он был все еще теплым и влажным.

Внезапно кот поднял лапку и хлопнул Янь Цинли по лбу, подражая ее жестам, и нежно погладил ее виски мягкой розовой подушечкой.

Янь Цинли замерла, а затем увидела, как кот молнией метнулся прочь по земле.

На шершавых каменных плитах, покрытых пылью, проступили три иероглифа: Мэй Сюаньинь, но их тут же развеял поток воздуха.

— Мэй Сюаньинь? Это твое имя? Значит, у тебя был хозяин, и это он так тебя назвал?

Янь Цинли невольно рассмеялась. Обычно она звала кота самыми простыми деревенскими прозвищами или вовсе малышом, неудивительно, что ему это не нравилось.

— Ты вел себя так странно, потому что обиделся, что я называла тебя малышом?

Кот услышал ее слова и недовольно мяукнул несколько раз, словно жалуясь на ее бестактность, которую терпел столько дней.

Янь Цинли подхватила кота на руки и с любопытством спросила:

— Сюаньинь, раз у тебя был хозяин, тебя кастрировали? Кошкам в период течки бывает очень больно.

Она заглянула коту под хвост, задумалась и серьезно добавила:

— Оказывается, ты девочка. Тогда тем более нужно стерилизовать. Если сама не сможешь достичь порога совершенствования, то ради твоего же здоровья я попрошу хозяина сделать тебе операцию, чтобы ты не мучилась.

Кот подавил желание разорвать эту женщину на куски, вырвался из ее рук и, повернувшись к ней спиной, нахохлился. Казалось, он был смертельно обижен и не желал с ней разговаривать.

Янь Цинли удивилась: неужели кот понимает человеческую речь? Может, он тоже из тех демонических тварей, что встали на путь совершенствования?

Сяомин, наблюдавшая за их игрой, нашла это весьма забавным.

Она прыснула со смеху:

— Хватит возиться с котом, дело не ждет. Я смотрю на Цветок Призрачной Души у тебя в руках и боюсь, как бы он не упал.

Цветок все еще был зажат в ладони.

Янь Цинли с помощью внутренней энергии измельчила его, растерев пальцами в крошечную пиллюлю.

Спрятав порошок в мешочек, она подняла глаза и увидела группу приближающихся заклинателей. Это были те самые приспособленцы, что недавно насмехались над ней.

Сяомин, обнимая свой меч, проворчала:

— Опять они. Неужели снова пришли создавать проблемы?

Заклинатель, шедший впереди, услышал ее шепот, поспешно поклонился Янь Цинли и произнес:

— Госпожа Янь, вы неправильно нас поняли. Мы пришли поблагодарить вас. Если бы не ваша помощь в критический момент, мы бы давно погибли в пасти Цветка Призрачной Души, и нас бы здесь уже не было.

— Будучи частью великой секты, мы обязаны чтить закон благодарности за спасение жизни, и лучший способ выразить признательность — это низкий поклон.

Заклинатель, полный праведного достоинства, сложил руки в жесте приветствия, а затем опустился на колени:

— Я Чэнь Чжу, ученик внешних врат секты Цинтянь Янь, приношу вам свою глубочайшую благодарность.

Видя, как ученик великой секты совершает такой обряд, остальные последовали его примеру, называя свои имена и благодаря за спасение. Даже другие рабы Горы Лао начали кланяться и выражать признательность.

Янь Цинли впервые видела такое зрелище. Она подумала о том, как же реалистичен мир заклинателей: здесь царит закон силы, где преклоняются перед сильными и презирают слабых, где так важны иерархия и законы праведников. Впрочем, в любом жестоком мире все устроено точно так же — меняются лишь декорации.

Янь Цинли помогла Чэнь Чжу подняться и ответила поклоном:

— Я сделала это ради собственного спасения, так что, господин Чэнь, вы слишком добры.

Чэнь Чжу поддержал ее под локоть и почтительно произнес:

— Почтенная госпожа, вам не нужно меня поддерживать, это я должен помогать вам.

От того, как каждый из них называл ее почтенной, у Янь Цинли поползли мурашки, а уголок рта нервно дернулся. Она не знала, как отказаться от такого обращения.

Сяомин, которой эта компания была крайне неприятна, почувствовала, что Чэнь Чжу просто лицемерит.

Она недовольно прижалась к Янь Цинли, оттесняя Чэнь Чжу, и заявила:

— Вы уже поблагодарили, этого достаточно. Мы с Цинли всегда вместе, и в вашей помощи она не нуждается.

Чэнь Чжу смутился, отступил и, сложив руки с мечом, вернулся в толпу.

Янь Цинли почувствовала, как напряжение ушло, и с облегчением выдохнула:

— Сяомин, спасибо, что выручила. А то у меня уже лицо сводило от этой маски.

Сяомин рассмеялась, слегка толкнув Янь Цинли рукоятью меча в бок:

— Если бы не ты, я бы здесь давно сошла с ума от страха. Ты мой самый близкий друг, с которым я прошла через огонь и воду, зачем эти постоянные благодарности? Ты только

создаешь дистанцию, мне от этого так неловко.

Янь Цинли покраснела и рефлекторно прикрыла пояс, раздумывая, стоит ли рассказывать Сяомин о своих предпочтениях. Сяомин воспринимала их отношения как дружбу между подругами и порой вела себя слишком вольно, что смущало Янь Цинли.

Толпу на площади внезапно растолкал незванный гость.

Это была зачарованная бумажная птица, которая с резким, пронзительным смехом летала прямо над головами заклинателей. Один из них не успел увернуться, и его волосы внезапно исчезли, оставив гладкую лысину.

Остальные, глядя на его блестящий череп и нелепые пряди, свисающие с затылка, не смогли сдержать смеха.

Кто-то предложил:

— Друг, да побрейся налысо и иди в Буддийский Храм Цзиньдин, попытай счастья. Может, тамошние монахи тебя примут. Быть буддийским монахом неплохо, если не считать запрета на создание семьи, зато перспективы какие!

Лысый заклинатель смутился и про себя проклял свою неудачу: надо же было такому случиться, чтобы даже эта дрянная бумажка решила поиздеваться над ним.

Бумажные человечки с желтыми талисманами прошествовали по коридору, проложенному птицей, неся тяжелые лари с подарками. Янь Цинли насчитала около тридцати штук — даритель явно был из богатого рода.

Птица, оклеенная талисманами, влетела в боковой храм у алтаря и закричала, обращаясь к магическому артефакту связи:

— Молодой господин Хао Сянчи, представитель боковой ветви клана Хао из земель Северного Дня, приносит скромные дары Владыке горы Лао и двум Хранителям горы.

Бумажные человечки поставили лари перед собравшимися. Крышки открылись, и наружу вырвался блеск драгоценных камней, духовных камней и редких трав. Даже в сумраке дворца стало светлее от этого сияния.

Услышав, что дары от клана Хао, Янь Цинли невольно перевела взгляд на брата и сестру из этого клана. Хао Синь стояла с мрачным лицом, опустив голову, ее руки в рукавах сжались в кулаки. Хао Шэн заботливо обнял сестру, его глаза были полны тревоги.

Янь Цинли заколебалась, пряча нефритовый плетеный браслет в ладони. Она решила, что позже расспросит Хао Синь о его происхождении.

Из храма Хранителей вышли Бараноголовые. Один из них схватил бумажную птицу и сорвал

талисман — она тут же превратилась в письмо.

Прочитав содержание, оба Хранителя расплылись в довольных улыбках.

— Клан Хао оправдывает звание первой семьи заклинателей Северного Дня, вот уж поистине несметные богатства. Теперь и мы проживем в достатке.

Один из Бараноголовых убрал письмо и серьезно добавил:

— Нужно скрыть это от того демона наверху. Хотя он и Владыка горы Лао, но он такой же узник, как и все, и наверняка затаил обиду. Если он узнает о несанкционированном использовании Указа об освобождении из горы Лао и самосуде, это будет тяжким преступлением, о котором доложат во Дворец Девяти Небес и Парящих Облаков на горе Линсюй.

Второй Хранитель лишь отмахнулся:

— Ты просто не знаешь правил мира заклинателей. Главный дом клана — закон. Это всего лишь дело второстепенной ветви, а эти мелкие заклинатели, что здесь умирают, небось даже в глаза не видели старших из главного клана. Нечего переживать.

Договорившись, Хранители приняли богатые дары и приказали бумажным человечкам отнести их в храм. Затем они вышли на площадь и объявили:

— Пришло письмо от главы клана Хао. Двое из их боковой ветви будут освобождены по Указу об освобождении из горы Лао. Кто из вас принадлежит к клану Хао, выходите вперед и получите Указ. Ваши люди уже ждут снаружи с экипажем.

Толпа зашумела, многие с завистью смотрели на Указ в руках Хранителя.

— А-Синь, это глава клана прислал людей за нами! И даже старшие из главного дома! Как же здорово! — Хао Шэн пришел в восторг, услышав, что прибыли люди из главного дома, и уже хотел выйти вперед, но Хао Синь удержала его.

— Брат, ты разве не слышал? Это подарок от Хао Сянчи. Он всегда был с нами в натянутых отношениях, да и смерть матери связана с его дядей. Они нарочно прислали этот Указ, чтобы выкупить нас, неизвестно, что у них на уме. Давай сначала подождем и посмотрим.

Лицо Хао Шэна напряглось. Он жадно смотрел на Указ и прошептал:

— Но это настоящий Указ об освобождении. С ним мы сможем выбраться из этой проклятой горы!